

Взгляд писателя

Вег. Москва. - 1994. - 17 окт. - с. 3.

Как солнечный луч порой выскакивает из туч, обложивших небосвод, так и Валентин Лавров, несколько лет назад внезапно появился на литературном горизонте, сразу же став заметным явлением. Достаточно сказать, что он дебютировал лишь в пятьдесят четыре года, но сразу добротным романом-хроникой — «Холодная осень». Случилось это в 1989 году. Тираж романа был громадным — 250 тысяч. Но на прилавке он не лежал и суток.

Потом последовал резкий жанровый вольт: издав два сборника исторических рассказов «Русская сила» и «Истоки богатырства», писатель начал нескончаемый сериал на страницах «Московского комсомольца» — «Кровавая плаха», затем (печатаемый ныне) «Гений сыска». Лавров приобрел гигантскую читательскую аудиторию.

И вот издательство «Тerra», имеющее строгие критерии в отборе печатаемых книг, издало исторический роман Лаврова «Катастрофа». Скажу откровенно: роман потряс меня своей обнаженной правдой, от которой так упорно отучал «социалистический реализм». Эксплуатируя наши добрые давнишние отношения, я напросился к писателю на разговор. И вот мы сидим за чашкой чая у него на даче, в кабинете, заставленном старинными книгами.

Валентин ЛАВРОВ:**«ЭТА КРОВАВАЯ
КАТАСТРОФА»**

— Чем можно объяснить ваш поздний приход в литературу?

— Герой моих обоих романов — «Холодной осени» и «Катастрофы» — Иван Бунин говорил, что писать надо после сорока лет. Лучше начать хорошо позже, чем рано плохо. Но у меня была веская причина. В начале шестидесятых годов известной организацией на Лубянке я был записан в инакомыслящие, хотя для столь лестного ныне обвинения причин законных не было. И вот вплоть до заката любимой советской власти было несколько внештатных доброхотов, выслеживавших мои публикации и сигнализовавших главным редакторам: «Вы опубликовали Лаврова. Он опасный диссидент!». Да Бог с ними, с этими людьми, изуродованными тоталитарной машиной. Но крови они мне испортили много, повышибав отовсюду... Впрочем, это разговор отдельный.

— Пишущая братия жалуется, что их не печатают, а вы издаете одну книгу за другой. Вот и сейчас, вслед за «Катастрофой», выходит ваш двухтомник «Блуд на крови»...

— Да, книги у меня выходят каждый год. Иногда по две, как теперь. Но ведь я только тем и занимаюсь, что работаю по 12—15 часов ежедневно. Я пишу без оглядки на рыночную конъюнктуру, но книги мои раскупаются хорошо. Всякий литературный труд должен преследовать единственную цель — помочь людям ответить на вечные вопросы: для чего мы посланы в этот прекрасный мир? Как надо жить, чтобы исполнить собственное предназначение? Писатель должен быть мудрым и добрым. Такими были Толстой, Достоевский, Лесков. Поэтому они стали классиками. И то, что нынче трудно издаваться, пойдет на благо литературному процессу: способные напрягут усилия, а случайные займутся другим делом.

— В свое время «Вечерняя Москва» публиковала отрывки из «Катастрофы». И уже во время их чтения я был приятно удивлен сочным, образным языком романа. Несмотря на серьезность, даже трагичность сюжета, книга читается взахлеб, в один присест. В этом я убедился еще раз теперь, получив прекрасно изданный «Террой» том. И просто ошеломляют образы «вождей»: Ленина, Троцкого, Дзержинского, Гитлера, Сталина — в столь неожиданном и достоверном свете они предстают перед читателем. Это вполне живые люди, с их слабостями, увлечениями, достоинствами. Зато Бунин — словно близкий вам человек, с которым вы прожили годы.

— Да, Бунин мне очень близок духовно. Когда-то я приятно удивился, до какой степени совпадают наши симпатии и отталкивания — не только в искусстве, в жизни. И изучил все, что когда-либо было написано об Иване Алексеевиче у нас и на чужбине. Или почти все. Признаюсь: очень много выдумок и чепухи, особенно в мемуарах. Но есть и честные, точные воспоминания. Это прежде всего секретаря Бунина — А.В. Бахраха (с ним я находился в интенсивной переписке).

— Ваша «Катастрофа» выглядит приятным исключением на фоне нынешнего литературного безвременья. Сколько сейчас появилось тех, кто потрясает низменным чувствам читателей!

— Согласен, что книга про половую жизнь вождей расходится быстрее, чем Тургенев или Гоголь. Но подобная продукция к литературе отношения не имеет. Прежде правители подкармливали, приручали писателей. Зато те им были преданы вполне рабски. Я не верю, что Горький, Алексей Толстой, Шкловский, Катаев и прочие не знали, что тот же Беломорканал течет поверх человеческих костей. Но они взахлеб воспевали его строительство. Мне многое не нравится в нынешних правителях, но история многое им простит за то, что они сняли цензуру. Такой свободы печати на Руси никогда не бывало. Это поможет возродить Русь в ее былой славе и величии. Еще Бунин молил об этом Создателя.

Беседовал
А. КОНОВАЛОВ